
ОЛЕГ САБАНОВ
ДВЕРЬ НА ВЕЧНОСТЬ

Олег Сабанов

Ипотека на вечность

«Автор»
2026

Сабанов О. А.

Ипотека на вечность / О. А. Сабанов — «Автор», 2026

Бывало ли у вас чувство, что вы живете не своей жизнью? Что когда-то давно, на развилке, вы свернули не туда, выбрав «стабильность» вместо мечты? Артур думал об этом каждый день, сводя чужие балансы и возвращаясь в квартиру, за которую платить ипотеку долгие тринадцать лет. Но ему представился уникальный шанс пережить альтернативные сценарии судьбы.

© Сабанов О. А., 2026
© Автор, 2026

Олег Сабанов
Ипотека на вечность

Все ваши мысли — ошибочные представления.
Роберт Адамс

Вопреки прогнозам к вечеру пятницы лазурное апрельское небо затянули низкие облака, отчего стало казаться, будто за окном промозглый ноябрь. Снег уже повсюду растаял, но еще не успевшая украсить улицы первая зелень весны делала грязновато-серым городской пейзаж, в лабиринтах которого свободно гуляли порывы холодного ветра. Сорокалетний бухгалтер местного мясокомбината Артур — высокий, нескладный, с лицом хронически недосыпающего человека — стоял на остановке, нахлобучив поверх вязаной шапочки капюшон куртки, абсолютно не желая ехать прямиком домой после завершения очередной рабочей недели. Пропуская один нужный автобус за другим, он пребывал во власти больно жалящих мыслей о своей в общем-то пустой, лишенной целей и ярких красок жизни. Дома его ждал привычный, до тошноты заученный сценарий. Квартира, за которую им с Мариной предстояло выплачивать ипотеку еще долгих тринадцать лет, встретит его запахом жареной картошки и тяжелым, осязаемым молчанием. Жена даже не обернется от плиты — лишь бросит дежурное, лишенное всякого тепла: «Купил хлеб?». А из комнаты семнадцатилетнего Дениса, как всегда запертой на защелку, будет доноситься лишь глухой стук клавиш компьютера и бубнящий бас из наушников. Сын давно перестал разговаривать с отцом, междометиями откупаясь от любых попыток поговорить.

Артур чувствовал себя чужаком в собственной семье, бесплатным приложением к квитанциям за коммуналку. Злодейка-судьба словно поиздевалась над ним, заманив в эту бытовую ловушку, где каждый день был точной копией предыдущего, а все юношеские мечты оказались похоронены под ворохом невыплаченных кредитов и взаимных претензий.

К остановке с глухим шипением тормозов подкатил очередной полупустой автобус, но заставить себя запрыгнуть в прогретый салон Артуру вновь не удалось. Постояв еще с минуту, он резко развернулся и зашагал к круглосуточному павильону на углу улицы. Вопреки собственному заведенному правилу — никогда не пить в одиночку и уж тем более на улице — бухгалтер купил бутылку крепкого коньяка. Руки слегка дрожали, когда он скручивал тугую металлическую пробку прямо за углом магазина, где порывы холодного ветра разносили запах отходов.

Первый глоток обжег горло, заставив закашляться, но почти сразу по телу разлилось суррогатное, обманчивое тепло. Артур прислонился спиной к кирпичной стене и сделал еще один длинный глоток, давшийся уже гораздо легче. Вскоре последовал и третий. Метрах в десяти от него, у мусорных контейнеров, копошился бродяга в наслоениях грязных курток, выуживая из бака пустые алюминиевые банки. Артур угрюмо усмехнулся про себя, глядя на потрепанного старика. «Два сапога пара, — пьяно подумал он, пряча бутылку в карман. — Я такой же нищий, только в чистой куртке». В тот момент сорокалетний бухгалтер мысленно поставил себя на один уровень с опустившимся типом, испытав лишенную всякой жалости и отвращения тупую, разделенную на двоих безысходность.

Спрятав недопитую чекушку, Артур медленно побрел по разбитому асфальту тротуара в сторону дома. Алкоголь уже приятно шумел в голове, размывая контуры серых многоэтажек. Внезапно его взгляд уловил, как что-то блеснуло прямо под ногами, у самого бордюра. Артур наклонился, едва удерживая равновесие, и поднял из грязной жижи наручные часы. Они были странными. Довольно массивный корпус из потемневшего, неизвестного металла крепился к потертому кожаному ремешку. Стекло покрывала сеть мелких царапин, а секундная стрелка

на пожелтевшем циферблате дергалась на одном месте, словно отчаянно пыталась сделать шаг вперед, но каждую секунду срывалась назад. И все же в их строгих линиях было что-то гипнотически привлекательное, благородное и чуждое этому унылому спальному району. Захмелевший Артур, не испытывая ни угрызений совести, ни брезгливости, и не обращая внимания на редких прохожих, сей же час застегнул ремешок на своем левом запястье. Часы легли как влитые, неожиданно обдав кожу тяжелым, плотным теплом. Пьяно ухмыльнувшись, он спрятал руку в карман куртки и зашагал быстрее.

Алкоголь всегда высвобождал в неприметном бухгалтере внезапный шквал пагубных эмоций и мыслей, обычно надежно замурованный в глубинах его естества. Именно поэтому он старался оставаться самым трезвым на редких застольях, опасаясь постыдных последствий. И вот теперь изрядная порция горячительного начала делать свое черное дело, походя снимая наложенные разумом табу. «Как же все замонало! — вспыхнула в его голове злобная мысль, принося извращенное упоение собственным раздражением. — Работу ненавижу, домой идти не хочу. Ни радости, ни денег, ни друзей. Женушка стала чужой, огрызается и вообще все жилы вытянула. Даже родной сын мне больше не отдушина. На хрена такая жизнь?!». Он снова, в тысячный раз вскрывая незаживающую рану, стал проклинать себя за то, что что струсил пятнадцать лет назад. Тогда они с Вадимом на последнем курсе сутками не спали, собирая на коленке свой первый сырой софт. Ему, молодому и глупому, хотелось всего и сразу, а проект на первых порах приносил лишь долги, головную боль и бесконечные доширак на ужин. Родители же Марины тогда пилили его каждый день, желая видеть будущего зятя на «нормальной, стабильной работе». И он сдался. Забрал свою долю, ушел на копеечную, но понятную должность помощника бухгалтера, выбрав сытое, предсказуемое рабство. А Вадим не бросил. Голодал еще года два, спал в офисе на коробках, но вывез. Сегодня компания Вадима занимала три этажа в престижном сити-центре, а сам бывший друг мелькал в бизнес-новостях, летая на конференции в Дубай. Артур же до сих пор помнил тот снисходительный, полный жалости взгляд, которым Вадим одарил его при случайной встрече три года назад. С тех пор он каждый день заживо жрал себя за ту слабость. Бухгалтер на мясокомбинате, причем даже не главный. Человек, который погряз в цифрах, сводя чужие балансы, пока другие строят империи.

Его боль сделалась невыносимой, когда проходящая мимо девушка, мелькнув ярким шарфом и копной каштановых волос, до боли напомнила ему Анфису. Артур замер на месте, а сердце предательски пропустило удар. Это была случайная прохожая, но призрак его единственной настоящей любви снова безжалостно ворвался в мысли. Анфиса. Его легкая, сумасшедшая, пахнущая ветром и костром девчонка с худграфа. С ней он чувствовал себя живым, с ней мечтал бросить все и уехать автостопом к морю, писать стихи, дышать полной грудью. Но вместо свободы Артур выбрал «правильность». Когда Марина, с которой он пару раз сошелся от скуки на студенческих вечеринках, со слезами на глазах показала ему тест с двумя полосками, весь его мир рухнул. Узнавшие о беременности своей дочери родители устроили грандиозный скандал, в один голос повторяя избитые до тошноты истины об ответственности, чести и долге. И Артур, трусливо поджав хвост, пошел под венец, оборвав все контакты с Анфисой. Вынужденный брак с самого первого дня напоминал медленную казнь. Сын Денис родился недоношенным, бесконечные крики, пеленки и безденежье быстро вытравили из отношений супругов даже намек на симпатию. Марина, так же несчастная в этом союзе, быстро превратилась в разочарованную, вечно пилящую женщину, а Артур — в покорного раба лямки, которую сам же на себя и надел. За семнадцать лет они стали друг другу абсолютно чужими людьми, делящими одну жилплощадь ради ипотеки. И сейчас, пьяно глядя вслед уходящей незнакомке, Артур понимал, что вместе с Анфисой он похоронил собственную душу.

Влив себе в рот остатки коньяка, он долго не мог сделать глоток, поскольку горло клешнями сдавила жгучая обида на так несправедливо обошедшуюся с ним судьбу. Когда порядком обжегшее горло спиртное наконец устремилось вниз по пищеводу, на прилегающей к тротуару

проезжей части Артур заметил огромный белый внедорожник, выделяющийся среди прочих редких машин своим шикарным видом. У неизменно дуреющего от алкоголя бухгалтера, и без того пребывающего на грани нервного срыва, глаза тут же налились злобой. «Твари... Насосали, наворовали, отжали… Я годами чужие балансы свожу, копейку к копейке складываю, глаза на этих гребаных цифрах посадил, а в кармане — пшик и дырка от бублика, — мгновенно завелся он. — Один только этот бампер стоит больше, чем вся моя жалкая копеечная жизнь с вечным подсчетом цен на гречку по акции. Чтобы вас, чертей, жидко пронесло прямо в кожаном салоне! Чтоб вас, мразей, грузовик на первом же перекрестке протаранил к едрене фене!». Артур сжал в кулаке пустую чекушку — этот жалкий, невесомый осколок его разбитой в дребезги жизни. Внутри все клокотало от липкой, удушливой обиды, а дешевое пойло, вместо того чтобы притупить боль, разгоняло ее по венам, как яд.

Вспышка слепой, нерассуждающей ярости заставила руку Артура дернуться саму по себе. Он замахнулся и с хриплым криком швырнул бутылку в приближающийся символ чужого благополучия. Стеклянная граната ушла выше, пролетев над самой крышей джипа, даже не задев антенну, и с глухим стуком упала где-то в темноте газона противоположной стороны улицы. Артур на секунду обмяк, готовый брести дальше, но резкий, истошный визг тормозов заставил его замереть. Блестящая махина проехала пару метров юзом и встала посреди дороги прямо напротив него. Двери распахнулись почти одновременно, после чего из теплого, пахнущего дорогим парфюмом салона на асфальт выскочили трое молокососов — мальчишек лет по восемнадцать-двадцать, в одинаково модных оверсайз-худи, с лицами, искаженными надменным, сытым гневом.

— Ты че, дядя, бессмертный?! — вырвалось у одного из них.

Неожиданно обнаружив идеальную жертву для своей молодой, скучающей агрессии, они не стали разбираться, попал он или нет. В мгновение ока троица оказалась возле Артура, который попытался выставить вперед отяжелевшие, непослушные руки, даже успел ткнуть кого-то кулаком в плечо, защищая остатки своего мужского достоинства. Но алкоголь и усталость не оставили ему шансов.

Первый же удар в челюсть сбил вязанную шапочку с макушки бухгалтера и заставил мир покачнуться. Второй — под дых — выбил из легких весь воздух вместе с глухим хрипом. Артур рухнул на колени, а затем и боком в грязную кашицу из прошлогодних листьев и талой воды. Дальше же все превратилось в хаотичный, глухой кошмар. Тяжелые подошвы брендовых кроссовок раз за разом обрушивались на его ребра, спину, затылок. Он сжался в клубок, пряча лицо, слыша только хлесткие удары, собственное прерывистые дыхание и куражный, матерный хохот малолеток. Мир вокруг начал стремительно сужаться, звуки удалялись, превращаясь в гул, как вдруг сквозь эту вязкую пелену прорвался истошный женский крик:

— Вы что творите?! Полицию, полицию вызывай, Люда!

Две немолодые одетые по-зимнему женщины застыли на тротуаре в нескольких шагах от места расправы. Одна из них уже судорожно тыкала пальцами в подсвеченный экран смартфона.

Поднятый прохожими шум подействовал на малолеток как ушат ледяной воды. Кураж мгновенно испарился. Водитель джипа, замахнувшийся было для очередного удара, замер, зло сплюнул под ноги и коротко бросил приятелям: «Сваливаем!». Троица не торопясь вернулась к машине, еле слышно хлопнули тяжелые двери, внедорожник плавно двинулся с места, быстро набрал скорость и вскоре скрылся за поворотом.

Справившись с минутным замешательством, женщины поспешили к лежащему в позе зародыша на асфальте тротуара бухгалтеру.

— Мужчина, живой?! Господи, вроде не дышит! Срочно звони в скорую! — причитала та, что была расторопнее, наклоняясь над ним и пытаясь дотронуться до плеча.

Но вопреки их опасениям, Артур дышал, причем довольно ровно. Удары оглушили его, превратили лицо в сплошную ноющую рану, но рассудок оставался пугающе ясным. Ощутив чужие прикосновения, он глухо зарычал от унижения и ярости. Переворачиваясь на живот и опираясь дрожащими, испачканными руками о холодный асфальт, он с трудом, шатаясь, поднялся на ноги. Женщины инстинктивно отпрянули.

— Пошли вон! Никого не надо вызывать! — грубо рявкнул Артур, сплевывая кровь под ноги и дико вращая воспаленными глазами. — Кому сказал, не лезьте ко мне, спасители хреновы!

Яростный, полный звериной злобы оскал и бешеный хрип сразу отбили у женщин всякое желание помогать. Испуганно переглянувшись, они некоторое время стояли молча с растерянным видом, после чего как по команде развернулись и зашагали прочь, что-то возмущенно бормоча под нос о «неблагодарных алкашах».

Презрительно зыркнув вслед своим спасительницам, Артур вытер рукавом куртки разбитые губы, затем, кряхтя, поднял с асфальта вязаную шапочку. Каждое движение отзывалось тупой болью в теле. Пряча лицо от редких прохожих за низко натянутым капюшоном, он тяжело побрел по малолюдному тротуару вдоль квартала безликих до тошноты многоэтажек, сам не зная, куда и зачем идет.

Через какое-то время темный от мороси, местами потрескавшийся тротуар вывел его к высокому путепроводу. Взойдя на него по узенькой пешеходной дорожке, Артур остановился у металлических перил в облупившейся краске. Каждое движение давалось с трудом, во рту стоял солоноватый вкус крови, язык распух, скулы и ребра ныли, но физическая боль была ничем по сравнению с той пустотой и отвращением ко всему вокруг, что выжигали его изнутри.

Внизу, под путепроводом, веером расходились бесконечные железнодорожные пути, красным и зеленым перемигивались семафоры. В занимающихся сумерках тускло поблескивали стальные рельсы, перерезанные редкими стрелками. Время от времени прямо под мостом с тяжелым, металлическим грохотом и свистом проносились товарные составы и пригородные электрички, бешено содрогая железобетонную конструкцию путепровода. Неожиданно Артуром овладело ощущение, будто грохочущие внизу многотонные махины зовут его к себе, обещая быстрое избавление.

В воспаленном, затуманенном алкоголем и побоями мозге отчетливо сформировалась простая мысль: всего один шаг, секундный полет на эти холодные рельсы — и кошмар разом закончится. Больше не будет ни унижений, ни долгов, ни этой удушающей, беспросветной серости, в которую превратилось его существование. Не нужно будет завтра просыпаться, смотреть в зеркало на свое избитое, стареющее лицо и думать, как жить дальше. Все проблемы решались прямо здесь, за секунду.

Подавшийся к перилам Артур, крепко ухватился за поручни и перенес вес тела вперед, вдохнув стойкий масляно-дегтярный запах железнодорожного полотна, по которому минуту назад пролетел очередной поезд. Сердце бешено колотилось в груди. Он замер, затаив дыхание, пытаясь заставить себя перелезть через ограждение, но сжатые ладони словно намертво приросли к холодному металлу перил. Секунды тянулись как вечность. Мышцы сковал первобытный, липкий страх, и, сколько бы Артур ни приказывал себе сделать последнее решительное усилие при приближении грохочущего грузового состава, тело наотрез отказалось повиноваться. Просто не хватало духу.

Бессильная, жгучая злость на самого себя накатила с новой силой. «Даже на это не способен, ничтожество», — подумал несостоявшийся суицидник, сплюнув в сгущающуюся под мостом темноту. Трясясь то ли от сырого апрельского ветра, то ли от перемешанного с гневом животного ужаса, Артур резко отшатнулся от края путепровода. Спрятав руки глубоко в карманы куртки и низко опустив голову, он выругался сквозь зубы и побрел дальше по мосту, унося с собой свою невыносимую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.